

Автор, ранее уже судимый, решительно отмечает малейшие поползновения кого бы то ни было отождествить себя с героями этого романа.

Организаций, министерств и ведомств, подобных Синдикату, существует великое множество во всех странах.

Персонажи романа — всего лишь рисованные фигурки, как это и полагается в комиксах; даже главная героиня, для удобства названная моим именем, на самом деле — набросок дамочки с небрежно закрашенной сединой. И все ее муторные приключения в тяжелой стране, давно покинутой мною, придуманы, взяты с потолка, высосаны из пальца. Нарисованы.

Сама-то я и не уезжала вовсе никуда, а все эти три года сидела на своей горе, любуясь башнями Иерусалима, от которого ни за какие деньги не согласилась бы отвести навеки замороженного взгляда...

Часть
первая

...о еврейском народе, народе религиозного призвания, нужно судить по пророкам и апостолам.

Николай Бердяев

Еще один вечный жид напялил на себя галстук-бабочку.

Джозеф Хеллер.
«Голд, или Не хуже золота»

Глава первая

В случае чего

Утром Шая остановил меня на проходной и сказал, чтобы я передвинула стол в своем кабинете в прежнее положение, а то, не дай Бог, в случае чего, меня пристрелят через окно в затылок.

Решив побороться за уют на новом месте, я возразила, что если поставить стол в его прежнее положение — боком к окну, — то мне, в случае чего, отстрелят нос, а я своим профилем, в принципе, довольна.

Мы еще попрепирались немного (мягко, обтачивая друг на друге пресловутую библейскую жестоковийность), но в иврите я не чувствую себя корифеем ругани, как в русском. В самый спорный момент его пиджак заурчал, забормотал неразборчиво, кашлянул, — Шая весь был опутан проводами и обложен рациями. Время от времени его свободный китель неожиданно, как очнувшийся на вокзальной скамье алкоголик, издавал шепелявые обрывистые реплики по-русски — это два, нанятых в местной фирме, охранника переговаривались у ворот. Тогда Шая расправлял плечи или переминался, или громко прокашливался, — словом, совершал одно из тех неосознанных движений, какие совершает в обществе человек, у которого забурчало в животе.

Часом позже всех нас собрали в «переключке» для недельного инструктажа: глава департамента *Бди-*

тельности честно отработывал зарплату. А может, он, уроженец благоуханной Персии, искренне считал, что в этой безумной России каждого из нас подстерегают ежеминутные разнообразные ужасы?

В случае чего, сказал Шая, если будут стрелять по окнам кабинетов, надо падать на пол и закатываться под стол.

Я отметила, что огромный мой стол, в случае чего, действительно сослужит хорошую службу: под ним улягутся в тесноте, да не в обиде, все сотрудники моего департамента.

Если будут бросать в окна бутылки с «коктейлем Молотова», продолжал он, всем надо спуститься на первый этаж и выстроиться вдоль стены в укрепленном коридоре возле департамента *Юной стражи Сиона*. Не курить. Не разговаривать. Соблюдать спокойствие. А сейчас порепетируем. Па-ашли!

Все шестьдесят семь сотрудников московского отделения Синдиката гуськом потянулись в темный боковой коридор возле *Юной стражи Сиона*. Выстроились вдоль стены, негромко и невесело перешучиваясь. Постояли... В общем, все было как обычно — очень смешно и очень тошно.

Прошли минуты две.

Все свободны, сказал Шая удовлетворенно. В его идеально выбритой голове киллера отражалась лампа дневного света, густые черные брови шелковистыми гусеницами сползли со лба к переносице. Пиджак его крякнул, буркнул: «Коля... жида в домике?.. дай сигаретку...»

За шиворотом у него жил диббук, и не один...

О том, что в моей новой должности ключевыми словами станет оговорка «в случае чего», я поняла еще в Иерусалиме, на инструктаже главы департамента *Бдительности* Центрального Синдиката.

Мы сидели за столом, друг против друга, в неприлично тесной комнатенке в их офисе в Долине Призраков — так эта местность и называлась последние несколько тысяч лет.

Глава департамента выглядел тоже неприлично молодо и легкомысленно. Была в нем сухопарая жаренность кибуцника: выгоревшие вихры, брови и ресницы, и веснушки по лицу и жилистым рукам. Меня, впрочем, давно уже не вводили в заблуждение ни молодость, ни кибуцная затрапезность, ни скромные размеры кабинета. Я знала, что это очень серьезный человек на более чем серьезной должности.

На столе между нами лежали: ручка, затертая поздравительная открытка и небольшой ежедневник за 97-й год...

— ...и должна быть начеку постоянно, — говорил он. — Проснулась утром, сварила кофе, выгляни между глотками в окно: количество автомобилей во дворе, мусорные баки, кусты, качели — все ли так, как было вчера?.. Перед тем, как выйти из квартиры, загляни в глазок: лестница должна хорошо просматриваться... Не входи в лифт на своем этаже, поднимись выше или спустись на пролет... И ни с кем в лифт не входи — ни со старухой, ни с ребенком, ни с собакой... Общественный транспорт в Москве для тебя заказан, — только автомобиль с личным водителем...

Заметил тень усмешки на моем лице, согласно усмехнулся и кивнул на стол:

— Возьми эту ручку... Отвинти колпачок...

Из отверстия выскочили и закачались две легкие пружинки.

— Это бомба, — сказал он. — На такой подорвался наш синдик в Буэнос-Айресе, в семьдесят третьем... А теперь возьми открытку: она пришла по почте в день твоего рождения, вместе с десятком других поздравлений.

Я заглянула в створчатую открытку с медвежонком, улетающим на шаре. Внутри было размазано небольшое количество пластилина с вмятой в него металлической пластиной.

— Это бомба, — повторил он ровно. — На такой подорвался наш синдик во Франции, в восемьдесят втором... Теперь, ежедневник...

Я взяла блокнот, пролистнула несколько страниц. Со второй недели ноября и насквозь в толще всего года было вырезано дупло, в котором змейкой уютно свернулась пружина.

— Это бомба, — продолжал он. — На такой подорвался наш синдик в Уругвае, в семьдесят восьмом...

Я подняла глаза. Парень смотрел на меня пристально и испытующе. Но была еще в его взгляде та домашняя размягченность, по которой — независимо, будь то в стычке или душевной беседе, — я отличаю соотечественников, где бы они мне ни встретились...

Елки-палки, подумала я, не отводя взгляда, что ж я делаю?!

— Ничего-ничего, — он ободряюще улыбнулся. —

Возьми-ка... — и подал брелок, крошечный цилиндр из какого-то белого металла. — Вот, в случае чего... Когдаходишь в темный подъезд или в подворотню... Да не бойся, это всего лишь лазерный фонарик... Срок годности — десять лет...

...Я вышла из офиса Синдиката и перешла на противоположную сторону улицы, где под огромным щитом, возвещающем о ближайших сроках сдачи трамвайной линии на этом участке пути, в тени под тентом своего шляпного лотка, облокотившись на обшарпанный прилавок, сидел на высоком табурете толстый старик. Я уже примеривала здесь шляпы — неоправданно, на мой взгляд, дорогие. Даже на уличном лотке цены соответствовали этому респектабельному району Иерусалима, в котором жили потомки давних переселенцев, «старые деньги», черт их дери...

И на сей раз я сняла с крючка широкополую шляпу из черной соломки. Старик тут же услужливо придвинул ко мне небольшое круглое зеркало на ржавой ножке.

Да... мое лицо всегда взывало к широким полям, всегда просило шляпу. Черную шляпу, которая, впрочем, облагораживает любое лицо...

На меня из зеркала из-под обвисших крыльев дохлой черной чайки смотрела (вот достойная задача для психоаналитика!) — всегда чужая мне, всегда незнакомая женщина... Я — чайка! чайка!

— Тебе страшно идет... — произнес старик. Видно было, как он страдал от жары. Пот блестел у него

на лбу, скатывался по седой щетине к толстым губам, пропитал линялую синюю майку на груди и на брюхе... — Страшно идет!

— Положим... Сколько же?

— Видишь, она одна такая. Она и была всего одна. Ждала тебя две недели...

— Ты еще спой мне арию Каварадосси, — сказала я бесстрастно, только так с ними и надо разговаривать, с этими восточными торговцами. И шляпу сняла, чтоб он не думал, что я прикипела к ней сердцем. — Так сколько?

— Причем, взгляни — какая работа: строчка к строчке, и ты можешь мять ее, сколько хочешь, ей ничего не сделается...

— Короче! — сказала я.

— Семьдесят.

— С ума сойти! — Я опять надела шляпу. Она действительно чертовски мне шла. Впрочем, мне идут все на свете широкополые шляпы. — За семьдесят она и тебе пойдет.

— Меньше невозможно. Это ручная работа.

— А я думала — ножная... Возьму, пожалуй, эту кастрюлю для разнообразия гардероба. За сорок.

— Издеваешься?! Смеешься над людьми, которые тяжким трудом, в ужасных условиях...

— Нет, не за сорок, конечно, это я загнула. За двадцать пять...

Я опять сняла шляпу и положила на фанерный прилавок.

— Постой! — он понял, что я собираюсь уйти. — Могу сбавить пять шекелей просто из симпатии. Она тебе очень идет. Я глаз не могу отвести.

— В твоём возрасте это нездорово. Если сейчас ты не отдашь мне этот ночной горшок за сорок шекелей, разговор окончен...

— Забирай за шестьдесят пять, и будешь благодарить меня!

— Я уже благодарна тебе по гроб жизни, ты меня развлекал. Накрой своей шляпой знаешь что? Сорок пять шекелей — звездный час этой лохани, и не отнимай моего драгоценного времени...

— Шестьдесят пять, и разойдемся, довольные друг другом!

— Я и так довольна. Мой-то кошелек при мне. А ты торчи здесь, на солнцепеке, до прихода Машиаха.

И повернувшись, под призывно возмущенные его вопли — вот теперь главное не оглядываться, тем более что в кошельке у меня всего тридцать пять шекелей, а надо еще домой возвращаться, — бодро пошла прочь.

Но шагов через пятьдесят остановилась у ближайшего кафе и села за плетеный столик, вынесенный в тень старого могучего платана.

В три часа дня, в вязкую августовскую жару я была единственной чуть ли не на всей улице, если не считать старика-шляпника и легиона неустрашимых кошек, которых в изобилии плодит Иерусалим.

— Кофе... двойной, покрепче... И коньяку плесни...

— Минутку, гевэрет! — воскликнул бармен и принялся весело насыпать и смешивать, звякать ложечкой, нажимать на рычаг кофейного аппарата... При этом он успевал приплясывать, подпевать музыке, отщелкивать пальцами ритм на всем, что под

руку попадется. Его темные кудри библейского отрока с картины художника Иванова были щедро умощены какой-то парфюмерной дрянью, какой любят намазывать свои овечьи руна местные юнцы и юницы...

Из-под тента лотка, под щитом, с которого на прохожих мчался, чуть ли не вываливаясь за край, будущий трамвай, похожий на удава с глазами красавицы-японки, за мной наблюдал толстый шляпник. С видом последнего иудейского пророка он восседал на табурете и делал мне какие-то знаки. Я достала из сумки очки, надела их и расхохоталась: старая сволочь показывал оттопыренный средний палец правой руки, — очевидно, потерял надежду залучить меня под свою шляпу.

Я смотрела на неугомонные руки бармена, вдыхала облачко ванили, поднятое брошенным на блюдец кренделем, и думала — что я делаю, что я делаю?!

Эта тихая улица, кренящаяся вправо, словно стремилась улечься в уже отросшую тень своих туй и платанов, весь этот город на легендарных холмах, с его ненадежными домами, мимолетными людьми, вечными оливами, синагогами, мечетями и церквями... — весь этот город, колыхаемый сухими струями горного воздуха, пришелся мне впору, тютелька в тютельку, — натягивался на меня, как удобная перчатка на руку... Мне было привычно ловко, привычно жарко и привычно лениво в этом городе, и — видит Бог! — дорога к этому кафе в Долине Призраков заняла у меня не так уж и мало лет.

Так что же, черт меня возьми, я *опять* делаю с нашей жизнью?!

Ночью я поднялась попить, прошлепала в кухню, босыми ступнями выглаживая теплый камень пола. В темноте на журнальном столике белела газета со вчерашними тревожными новостями... С более чем всегда, тревожными новостями...

Я выглянула в открытое окно и вдохнула глубину августовской ночи в безмолвном расцвете звездных полян. Далеко внизу цепочка мощных фонарей выжгла гигантскую петлю дорожной развязки Иерусалим — Мертвое море; влево, мимо белеющей срезом снятой груди холма пойдет новая дорога через Самарию... Над Масличной горой вдали — желто-голубое облако огней. Легчайшая взвесь предрассветной тишины... Уже и подростки разошлись по домам после нескольких часов блаженной ночной свободы... Нет более благостного места, чем эта земля накануне очередной войны...

Я вернулась в комнату, бесшумно легла... До утра оставалось дотянуть часа три...

— Ну? — тихо спросил рядом внятный голос мужа. — Третью ночь колобродишь. Так же спятить недолго! Ну их к черту, эти деньги! Жили до сих пор, с голоду не помирали, подаяния не просили...

— Да, — глухо подтвердила я.

— Представь эти долгие зимы, слякоть, тусклую тьму...

— Представляю...

— Давку в метро, огромный неохватный город, хамство российское, милицию-прописку... И нашу беспомощность и бесправность...

— Еще бы...

— ...к тому же, и службу с утра до вечера...